

802-K

276

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

№ 5. — МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

простое средство соединить два инструмента въ одинъ, съ десятию струнами. Египтяне играли на лютнѣ плектромъ; онъ длиннѣе плектра, употребляемаго въ настоящее время.

Инструментъ, давшій начало греческой лирѣ, часто встрѣчается на гробницахъ. Еврейское имя его неизвестно, но его знали въ Палестинѣ: одинъ изъ Хананейтъ, въ пиратской гробницѣ, въ Бенигассавѣ, представленъ играющимъ на лирѣ.

У Египтянъ и у Евреевъ употреблялся еще просверленный камышъ или дудка. Еврейское его названіе значитъ собственно: просверленная вещь. На гробницахъ этотъ инструментъ изображается подъ различными формами: 1) двойная дудка, какую мы видимъ очень часто въ скульптурныхъ произведеніяхъ Грековъ и Римлянъ; 2) простая, одинакая дудка, очень длинная, и загнутая. По-египетски она называлась *себи*; а у Грековъ извѣстна была подъ именемъ *плагіанлосъ*, кривая дудка; 3) одинакая, коротенькая дудка, называемая *мумъ*. На всѣхъ этихъ инструментахъ играли, какъ на флажолетѣ или свирѣли; измѣненіе тоновъ зависѣло отъ воли музыканта и расположенія его пальцевъ на различныхъ отверстіяхъ.

Кромѣ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ древніе имѣли множество такихъ, на которыхъ играли, какъ на нашихъ барабанахъ. Въ египетскихъ гробницахъ встрѣчается три рода подобныхъ инструментовъ: глиняный, коническій сосудъ, отверстіе котораго покрыто кожей, — это барабанъ Басковъ, южной Европы; обручъ обтянутый кожей, какъ нашъ бубень; третій инструментъ точно такъ же состоялъ изъ обруча, покрытаго кожей, только четвероугольной формы. Последний былъ въ большомъ употребленіи. Онъ то же самое, что еврейскій бубень, въ который Евреи били такъ, когда пѣли или плясали. Въ Оивахъ, на одной гробницѣ, представлены женщины, которыя поютъ и ударяютъ въ бубень. Врѣя, когда сдѣлано это изображеніе, кажется, очень близко подходитъ ко времени исхода Евреевъ изъ Египта, и слишкомъ много напоминаетъ намъ пляску Маріанны и ев-

рейскихъ двушекъ, послѣ потопленія Фараона въ Черномъ Морѣ.

Кимбалы, о которыхъ такъ часто упоминается въ Библии, можно видѣть иногда и на изображеніяхъ гробницъ. Они не круглые, какъ, гораздо позже, дѣлали ихъ Греки, отъ которыхъ и нашъ новѣйшій инструментъ получилъ свое начало.

Всѣ эти инструменты, въ древнія времена, употреблялись для аккомпанимента пѣнію. Общепринятое мнѣніе, что музыкальный инструментъ изобрѣтенъ изъ подражанія человеческому голосу, господину Осберну кажется слишкомъ не основательнымъ. Инструментъ образуетъ голосъ, а не голосъ раждаетъ инструментъ: исторія музыки у всѣхъ народовъ доказываетъ это. Гдѣ инструменты издають тихіе, пріятные звуки, тамъ и пѣснь человѣка такъ же тиха и пріятна, — какъ на островахъ Южнаго океана; а гдѣ инструменты грубы и нестройны, — какъ у сѣвероамериканскихъ Индейцевъ и Эскимосовъ, — тамъ и пѣснь ихъ хуже и грубѣе, какъ постепенный рядъ завываній, криковъ и стоновъ.

На гробницахъ часто можно видѣть изображенія пѣвцовъ, которые поютъ, отъбѣно или хоромъ, хлопая руками. О такомъ способѣ измѣрять музыкальные темпы, въ Египтѣ, упоминаетъ Диодоръ Сицилійскій; у Евреевъ было подобное же обыкновеніе.

РЫЦАРСКИЯ ЗАБАВЫ КИРГИЗЪ-КАЙСАКОВЪ. Михаилъ Ермоловъ, имя котораго не рѣдко является во французскихъ журналахъ, недавно познакомилъ ученыхъ Французовъ съ нашими Киргизъ-Кайсаками, представивъ въ парижское этнологическое общество нѣкоторыя подробности о жизни этого кочующаго народа. Отдѣлы его сочиненія слѣдующіе: «Arrivée à Orenbourg d'une caravane de l'Asie centrale; un Cavalier Kirghiz; une Fête et une Course des

cheveaux; Poésie et musique des Kirghiz. Въ эти главы чрезвычайно любопытны, по отзыву журнала L'Institut, въ которомъ перепечатанъ одинъ отрывокъ объ увеселеніяхъ Киргизъ-Кайсаковъ. Мы сообщаемъ его нашимъ читателямъ.

«..... Пиръ кончился; начинается другая важная часть праздника, скачка. Надо войти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ увеселеніи, до-страсти любимомъ Киргизъ-Кайсаками, настоящими centaurs, которые, можно сказать, воспитываются и большую часть жизни проводятъ верхомъ, на лошадяхъ. Нравы и обычай этого народа рѣшительно во всемъ отличны отъ нашихъ. Въ Европѣ стараются выказать себя передъ женщиною въ танцахъ, а въ степи на лошади, на всемъ скаку. У насъ мужчины приглашаютъ дамъ, у Киргизовъ напротивъ. Тамъ вотъ какъ бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ большіе праздники или дни торжествъ, послѣ пира, когда всѣ собесѣдники и безчисленное множество зрителей собираются около палатокъ, на обширной степи, вдругъ является одна или нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, кокетливо разряженныхъ въ своихъ красивыхъ уборахъ, верхомъ на лучшихъ лошадяхъ, принадлежащихъ ихъ отцамъ или братьямъ; твердо сядя на высокомъ сѣдлѣ, покрытомъ подушками и разноцвѣтными чапраками. Ловко правя своею лошадию, гордая красавица пускается въ галопъ, то въ ту, то въ другую сторону, подѣзжаетъ къ толпѣ молодыхъ людей, машетъ надъ ихъ головами своею нагайкою, а иногда изъ любви, либо по ненависти, отпускаетъ и не совѣсть нѣжные удары, и со смѣхомъ вызываетъ на состязаніе. Если найдется между молодыми людьми такой, который увѣренъ въ своей ловкости или сердце котораго уязвлено черными глазами амазонки, онъ принимаетъ вызовъ, вскакиваетъ на лошадь и летитъ въ слѣдъ за красавицей, которая мчится во весь опоръ. Тогда начинается гоньба самая одушевленная и чрезвычайно пріятная для зрителей. Молодой человѣкъ старается догнать дѣвушку, а если можно даже пересѣчь ей дорогу, и успѣть, по известнымъ прави-

ламъ, прикоснуться рукою къ ея поясу. Но въ ту минуту, какъ онъ считаетъ себя уже у самой дѣли, амазонка быстро поварачиваетъ свою лошадь, увертывается и несется въ противоположную сторону. Надобно сказать, что преслѣдователь непременно долженъ держаться въ почтительномъ отдаленіи отъ предмета своего преслѣдованія, такъ чтобы нельзя было достать его нагайкой. Но горе неловкому кавалеру, который неблагоразумно подставитъ свою спину! Онъ рискуетъ получить изъ рукъ красавицы безпощадные удары ея грознаго бича. Эта игра продолжается иногда очень долго, и во все время не умолкаютъ смѣхъ и веселые крики зрителей. Случается, что молодой человѣкъ, плохой или неудачливый ѣздокъ, долженъ бываетъ отказаться отъ своего намѣренія и со стыдомъ и съ избитыми плечами вернуться назадъ. Въ такихъ обстоятельствахъ ему поскорѣ надо убираться въ свою палатку, чтобы избежать злыхъ насмѣшекъ, которыя посыплются на него со всѣхъ сторонъ. Подобныя неудачи кладутъ черное пятно на назидника, и много надо времени, чтобы забыть ихъ. Но если ловкимъ и удачнымъ оборотомъ молодой человѣкъ успѣетъ схватить неуволимый станъ своей противницы, то, послѣ этого, амазонка уже не смѣетъ болѣе противиться ему, побѣдитель везетъ ее въ триумфъ, и этотъ успѣхъ часто бываетъ прелюдіей къ торжеству еще болѣе полному....»

ДАНИИЛЬ ОУРУКЪ, ИЛИ СОНЪ ПЬЯНИЦЫ. Народная ирландская сказка. Въ одной ирландской деревнѣ жилъ нѣкогда бѣдный крестьянинъ, легковѣрный простакъ, впрочемъ честный человѣкъ; водился за нимъ только одинъ грѣхъ; онъ слишкомъ былъ привязанъ къ кабакамъ и ужасно любилъ пиво да водку. Эти два нектара попеременно употреблялъ онъ въ своихъ ежедневныхъ наслажденіяхъ, и часто до того, что они совѣсть разстроивали его мозгъ. Однажды молодой его господинъ возвратился изъ далекаго путешествія; радость и веселье въ деревнѣ, великолѣпный пиръ въ замкѣ Даниилъ не упускаетъ такого случая: онъ чрезвычайно лю-

XXIV 58
1

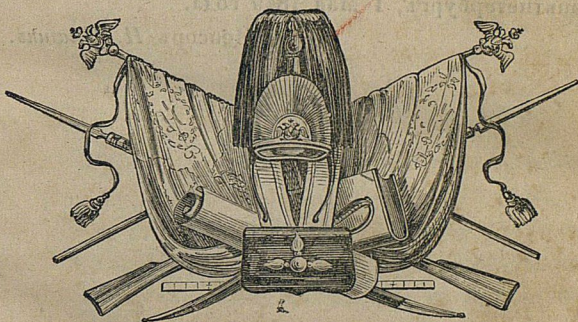
ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАННИКАМЪ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ТОМЪ LXXVIII. № 309.—312).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Военно-Учебныхъ Заведеній.

1849.

II.

И С Т О Р І Я.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КИРГИЗОВЪ.

—

Вся киргизская исторія состоитъ изъ однихъ только безсвязныхъ преданій: нѣтъ ни лѣтописей, ни даже какихъ-нибудь историческихъ рапсодовъ. Правда, въ степи каждый курганъ, каждая могила и почти каждое урочище, удостоенное какого-нибудь названія, имѣютъ свою легенду, но онѣ передаются изустно и, благодаря пылкости азіатскаго воображенія, въ самое короткое время превращаются въ совершенную безсмыслицу. Любя однѣ только сказки, Киргизы до того равнодушны къ подвигамъ предковъ своихъ, что немногіе изъ нихъ умѣютъ назвать по имени своего прадѣда, и это замѣчаніе относится даже къ нынѣшнимъ представителямъ тѣхъ фамилій, ко-

торыя имѣли самое сильное вліяніе на судьбу своего отечества. Конечно, и мы, за множествомъ другихъ важнѣйшихъ дѣлъ, не станемъ доискиваться до того, что Киргизы дѣлали за нѣскольکو вѣковъ тому назадъ; тѣмъ болѣе, что эти утомительныя изслѣдованія привели бы насъ только къ познанію нѣсколькихъ собственныхъ именъ, въ которыхъ мы нисколько не нуждаемся. Можно, однако, принять за достовѣрное, что не болѣе, какъ лѣтъ за 250 тому назадъ, Киргизы обитали еще въ предѣлахъ Сибири, въ Кузнецкомъ и Минусинскомъ округахъ, на верховьяхъ рѣки Енисея. Оттуда они постепенно распространялись къ западу, перешли чрезъ Иртышъ и, наконецъ, заняли все пространство до самаго Урала. Не далѣе, какъ въ срединѣ прошлаго вѣка, прекратилась отчаянная борьба ихъ съ Калмыками и Каракалпаками, которые съ доброй воли не хотѣли уступить пришельцамъ привольныхъ своихъ степей. Замѣтимъ еще, что Киргизы сами себя не иначе называютъ, какъ казаками, и что названіе Киргизовъ дано имъ Русскими, которые смѣшали ихъ съ такъ-называемыми Дико-Каменными Киргизцами или Бурутами. Но довольно говорить о томъ, что дѣйствительно было — лучше расскажемъ, какое существуетъ у Киргизовъ повѣрье на счетъ ихъ происхожденія.

Они думаютъ, что страна ихъ шесть разъ уже мѣняла своихъ обитателей, которые, въ слѣд-

ствіе различныхъ обстоятельствъ, каждый разъ погибали всѣ до послѣдняго человѣка. Степь на нѣсколько вѣковъ превращалась въ безлюдную пустыню, въ которой только тлѣющія кости исчезнувшаго съ лица земли народа свидѣтельствовали о его быломъ существованіи. Киргизы почитаютъ себя седьмыми пришельцами въ своемъ краю и ожидаютъ, что и надъ ними нѣкогда разразится роковая судьба ихъ предшественниковъ. Эта идея имѣетъ свою прекрасную, грустно-поэтическую сторону, но очевидно, что она не болѣе, какъ передѣлка на киргизскіе нравы другаго, болѣе общаго мнѣнія, распространеннаго на мухамметанскомъ востокѣ. Правовѣрные полагаютъ, что земля наша очень-стара, родъ человѣческій на ней еще не такъ давно и замѣнилъ собою шесть другихъ породъ разумныхъ существъ, владѣвшихъ послѣдовательно землею до созданія Адама. Это мнѣніе основано на неподлежащемъ никакому сомнѣнію авторитетѣ птицы Симург-Анки (*), которая была очевидно свидѣтельницею, какъ всѣ эти жильцы сѣзжали одни послѣ другихъ съ земли. Но обратимся къ нашему разсказу.

Въ послѣдній разъ, какъ степь была пуста, шли черезъ нее, изъ-за рѣки Сырь, многочисленныя орды Нагайцевъ за тѣмъ, чтобъ отыскать для себя новое отечество въ отдаленномъ Крыму

(*) Фердузы въ *Шахъ Наме*.

и на Кубани. Достигнувъ верховьевъ рѣки Ишима, на одномъ ночлегѣ, народные старшины замѣтили, что изъ табуновъ пропало нѣсколько лучшихъ коней, и потому рѣшились, для отысканія ихъ, отправить въ лѣса, которыми въ то время покрыты были берега Ишима, трехъ братьевъ, славившихся въ народѣ своею удалею. Въ лѣсу, братья блуждали нѣсколько дней сряду, коней не отыскиали и когда, наконецъ, вышли на то мѣсто, гдѣ разстались съ своими соотечественниками, то уже не нашли никого: стѣпной вѣтеръ замелъ даже и слѣды странствующаго народа. Братья, оставшись одни въ пустой степи, погоревали нѣсколько времени и потомъ приняли благое намѣреніе обзавестись хозяйшками. Для этого, отправились они чрезъ Ишимъ на сѣверъ, похитили тамъ у какого-то невѣдомаго народа трехъ дѣвицъ-красавицъ и возвратились съ ними опять на Ишимъ. Худай (*) благословилъ эти супружества столь-многочисленнымъ потомствомъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ двоюроднымъ братцамъ показалось жить вмѣстѣ уже тѣсно, и они разошлись; дѣти старшаго брата на востокъ, къ семи рѣкамъ и Верхнему-Иртышу, дѣти меньшаго на западъ къ Уралу, а дѣти средняго остались на Ишимѣ. Такъ образовались три отдѣльныя сотни: юзъ Улу-юзъ — старшая сотня, Ор-

(*) Богъ, по киргизски.

та-юзъ — средняя и *Кичи-юзъ* — меньшая. Мы называемъ ихъ: Большая, Средняя и Малая-Орды совершенно неправильно, потому-что слово орда имѣетъ на киргизскомъ языкѣ значеніе не народа, а мѣста пребыванія или резиденціи ханской. Замѣтимъ еще, что Средняя-Орда есть самая многочисленная изъ всѣхъ трехъ; за нею слѣдуетъ Малая и потомъ уже Большая. Впрочемъ, за послѣднее нельзя ручаться потому-что точнаго числа Киргизовъ Большой-Орды опредѣлить нѣтъ никакой возможности, по неподчиненности ихъ нашему правительству и по отдаленности ихъ кочевовъ.

Теперь расскажу вамъ еще нѣсколько фактовъ изъ новѣйшей исторіи Средней-Орды, которая находится въ настоящее время подъ управленіемъ генералъ-губернатора Западной Сибири и въ кочевья которой я готовился отправиться изъ Петропавловска. Весь мой рассказъ основанъ будетъ исключительно на слышанномъ мною отъ самихъ Киргизовъ, которые заслуживаютъ довѣрія, по крайней-мѣрѣ, когда говорятъ о событіяхъ столь недавнихъ.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, Туркестанъ, то-есть небольшія ханства, расположенныя по теченію рѣки Сыръ-Дарьи, служили точно такъ же, какъ и теперь, театромъ кровопролитныхъ войнъ, или, лучше сказать, страшной рѣз-

ни между мелкими тамошними владѣльцами. Въ слѣдствіе какихъ-то домашнихъ туркестанскихъ расчетовъ, одинъ изъ числа этихъ мелкихъ владѣльцевъ, по имени Бурю-Ханъ, питалъ самую ожесточенную ненависть къ юному Сабалаку, происходившему отъ Аблай-Хана, удостоеннаго громкаго названія Каничара, что въ буквальномъ переводѣ значитъ *Кровопійца* и принимается Азіатцами за самое высокое выраженіе человѣческаго величія. Кажется, что Бурю-Ханъ добивался того же лестнаго титула, и потому, стараясь увеличить число правъ своихъ, алкалъ, какъ степной волкъ, крови человѣческой. По счастью, у юнаго Сабалака былъ мудрый дядька Оразъ, который, для спасенія своего питомца, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Туркестана въ Киргизскую-Степь. Рассказываютъ много занимательныхъ подробностей объ этомъ бѣгствѣ. Туркестанъ отдѣленъ отъ кочевьевъ Средней-Орды огромною, безплодною и безводною полосою, которую Киргизы называютъ Бед-Пак-Дала, а мы Голодною-Степью. Каково же положеніе тѣхъ, которымъ приходится переѣзжать чрезъ это пространство! тамъ нѣтъ ничего, что могло бы поддерживать жизнь человѣческую, изрѣдка только попадаются колючія растенія, доставляющія скудную пищу лошадямъ и верблюдамъ. Измученный усталостію путникъ долженъ самъ копать для себя колодезь, чтобъ добыть ведро отвратительной, горько со-

ленной воды. Прибавимъ къ тому, что эта полоса, по-меньшей-мѣрѣ, составляетъ около 350 верстъ ширины и что Оразъ съ Сабалакомъ должны были переѣхать ее, какъ тампліеры, вдвоемъ на одной клячѣ, которую какъ-то успѣли увести съ собою изъ Туркестана. Судьба дозволила имъ благополучно совершить опасное путешествіе и этимъ еще не ограничила своихъ благодѣяній. Изгнанники были ласково приняты въ встрѣтившихся имъ киргизскихъ аулахъ, въ которыхъ не угасло еще воспоминаніе о знаменитомъ Кровопійцѣ. Въ это время, война Киргизовъ Средней Орды съ Калмыками, жившими въ восточной части степи, была въ полномъ разгарѣ. Сабалакъ принялъ въ ней участіе и молва о его военныхъ дарованіяхъ быстро разнеслась по всѣмъ кочевьямъ. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возрастало его вліяніе на ордынцевъ и, наконецъ, онъ избранъ былъ въ ханы всей Средней Орды, не смотря на совмѣстничество многихъ другихъ султановъ, которые считали себя знаменитѣйшаго происхожденія, чѣмъ онъ. Сабалакъ принялъ названіе Аблай-Хана и время его правленія осталось незабвеннымъ въ памяти ордынцевъ. Почти вѣковая отдаленность успѣла облечь его какимъ-то чуднымъ блескомъ славы. И теперь еще, въ своихъ стремительныхъ нападеніяхъ на непріятеля, Киргизы употребляютъ воинскій кликъ: Аб-

лай, какъ-бы надѣясь, что имя героя можетъ наэлектризовать ихъ храбростію.

Аблай-Ханъ, по Киргизскому обыкновенію, имѣлъ нѣсколько женъ и отъ нихъ множество сыновей, которые, нося титулъ султанскій, сосредоточили въ своемъ семействѣ управленіе почти цѣлою Среднею-Ордою. Подъ старость, Аблай-Ханъ взялъ снова молодую жену и послѣдствія этого брака были весьма-важны для степныхъ дѣлъ. Это случилось въ 1771 году, во время бѣгства Калмыковъ съ Волги въ Китай, чрезъ все протяженіе Кайсакской Степи. Киргизы питаютъ закоренѣлую ненависть ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ, и между прочимъ къ Калмыкамъ. Извѣстіе о бѣгствѣ этихъ послѣднихъ изъ Россіи взволновало степь. Всѣ вооружились чѣмъ попало и отправились на путь слѣдованія Калмыковъ, которые думали только о томъ, какъ бы скорѣе добратъ-ся до Китая, а вовсе не о томъ, какъ проложить себѣ дорогу среди непріязненныхъ племенъ. Всѣхъ родовъ бѣдствія обрушились на несчастныхъ Тургутовъ (*), множество ихъ было перебито, женщины и дѣти увлечены въ плѣнъ, а скоть, составлявшій все имущество переселенцевъ, похищенъ. Даже тѣ, которые избѣгли меча и плѣна,

(*) Такъ называлась бѣжавшая съ Волги калмыцкая орда.

погибли большею частию отъ голода и болѣзней. Теперь еще пустынные берега озера Балхаша, на большомъ протяженіи усыяны человѣческими костями — останками цѣлыхъ тысячъ Калмыковъ, которые будучи томимы нестерпимою жаждою, неумѣренно напились нездоровой воды этого озера и заплатили жизнью за свою неосторожность. Красивѣйшая изъ плѣнницъ досталась на долю Аблай-Хана, который женился на ней. Черезъ годъ, ханша-Калмычка родила сына Касыма, о которомъ память долго сохранится въ степи.

Аблай-Ханъ умеръ въ 1781 году. Ровно за пятьдесятъ лѣтъ еще до того, ханъ Малой-Орды Абуль-Хайръ присягнулъ отъ имени всѣхъ Ордынцевъ на подданство Россіи и склонилъ къ тому же Аблай-Хана и хана Большой-Орды, обѣщая, что Россія дастъ имъ войско и пушки, чтобъ совершенно истребить Калмыковъ. Не видя со стороны Россіи исполненія этаго обѣщанія, самовольно даннаго Абуль-Хайръ-Ханомъ, Аблай не считалъ себя связаннымъ своею присягою, и управлялъ ордою совершенно по своему произволу. Послѣ смерти его, ханомъ Средней-Орды объявленъ былъ старшій сынъ его, Вали-Аблай-Ханъ, который утвержденъ былъ въ этомъ званіи нашимъ правительствомъ, и присягнулъ на подданство Россіи. Вали не имѣлъ ни одного изъ достоинствъ своего отца. Ханское званіе въ продолжительное упра-

вліеніе его (1781 — 1821), лишилось всей своей важности въ глазахъ народа. Никто не слушался Вали-Хана, который имѣлъ средства чинить судъ и расправу только въ аулахъ, съ нимъ вмѣстѣ кочевавшихъ. Притомъ ханъ нисколько и не думалъ о сохраненіи порядка въ степи, а заботился только о сборѣ пошлины съ проходившихъ каравановъ, которые случалось ему подѣлить и грабить, если онъ бывалъ недоволенъ подарками, подносимыми ему караван-баши. Наконецъ, всякое требованіе русскаго правительства принималъ онъ за стѣсненіе своихъ мнимыхъ правъ независимаго владѣльца. По волѣ покойнаго государя, еще при жизни Вали-Хана, дозволено было нѣкоторымъ киргизскимъ родамъ избрать себѣ другаго хана. Выборъ ихъ палъ на восьмидесятилѣтняго Букея, принадлежавшаго къ одной изъ знаменитѣйшихъ киргизскихъ фамилій. Такимъ образомъ, въ Средней-Ордѣ въ одно и то же время было два хана — оба съ весьма-ограниченнымъ вліяніемъ. Послѣ смерти Букея и Вали, умершихъ одинъ вскорѣ послѣ другаго, ханское достоинство было уничтожено въ Средней-Ордѣ, потому что лица, облеченныя этимъ званіемъ, дѣйствительно не имѣли возможности выполнять свое назначеніе — быть посредниками между русскимъ правительствомъ и ордынцами.

Въ 1822 году, система управленія Среднею-Ордою получила совершенное преобразованіе, ко-

торое заключаетъ въ себѣ самые положительные залоговѣ будущаго успокоенія степи. Опытъ минувшихъ годовъ вполне убѣдилъ въ томъ, что невозможно сосредоточить управление ордою въ рукахъ одного лица. Полагая даже, что выбранный ханъ былъ бы одаренъ самими блестящими дарованіями и вполне оправдывалъ бы доверенность правительства,—все-таки ему повиновались бы только киргизскіе роды, находящіеся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ родомъ, изъ среди котораго онъ избранъ. Прочіе не только не слушались бы его, но даже продолжали бы противъ него обычныя свои непріязненныя дѣйствія. Нѣтъ въ степи ни одного рода, который находился бы со всѣми въ дружбѣ: большею частію, вѣковая ненависть отдѣляетъ одинъ родъ отъ другаго. Самый маловажный случай, давно уже изгладившійся изъ памяти народной, могъ подать поводъ къ этой враждѣ, она пережила воспоминаніе о первоначальной обидѣ а непрерывныя взаимныя баранты доставляютъ ей свѣжую пищу. Эта черта нравовъ народныхъ дѣлаетъ необходимымъ болѣе раздробленное управление краемъ. Въ 1822 году, Высочайше утвержденъ былъ новый уставъ о сибирскихъ Киргизахъ, по которому предназначено было раздѣлить ихъ на нѣсколько округовъ. Управление каждымъ округомъ ввѣрено было отдѣльному приказу, или, какъ Киргизы называютъ его, дивану, подъ предсѣдательствомъ стар-

шаго султана, выбираемого чрезъ каждые три года киргизскими волостями, причисленными къ округу. Каждый приказъ имѣеть своихъ заставителей, киргизскихъ и русскихъ, и воинскій отрядъ для охраненія порядка. Въ 1824 году положено было начало приведенію въ исполненіе этого устава открытіемъ двухъ округовъ: Кокчетавскаго и Каркаралинскаго. Послѣ того открыто было постепенно еще четыре (*). Управление всѣми округами сосредоточено въ лицѣ начальника сибирскихъ Киргизовъ, живущаго въ Омскѣ.

Введеніе новаго устава очень не понравилось нѣкоторымъ киргизскимъ султанамъ. Дѣйствительно, этотъ уставъ полагалъ рѣшительный конецъ тѣмъ своевольствамъ, которыя вошли въ общее обыкновеніе въ степи, и которыя влекли за собою самыя пагубныя послѣдствія для цѣлаго народа. Подобно многимъ другимъ дикимъ племенамъ, Киргизы не только не почитали разбоевъ за постыдное преступленіе, но даже смотрѣли на нихъ, какъ на геройство, *батырство*. Чтобъ составить себѣ почетное имя, молодой Киргизъ долженъ былъ сначала навести ужасъ на всѣхъ сосѣдей, и чѣмъ въ большемъ числѣ грабежей онъ участвовалъ, тѣмъ болѣе правъ прибрѣталъ на всеобщее уваженіе. Новый уставъ смотрѣлъ на всѣ

(*) Всего съ открытіемъ, въ 1844 году, Кокпектавскаго Округа, считается въ Средней-Ордѣ семь округовъ.

эти подвиги совершенно съ другой, болѣе прозаической точки зрѣнія, и угрожая батырямъ ссылкой въ Восточную-Сибирь или отдачею въ рекруты, навлекъ на себя ихъ неудовольствіе. Въ главѣ всѣхъ недовольныхъ сталъ Касымъ-Аблай-Хановъ, котораго происхожденіе мы выше рассказали.

Съ 1824 года, началось противодѣйствіе его всѣмъ распоряженіямъ правительства. Старшій сынъ его, Сарджанъ-Касымовъ, принялся, съ собранною имъ шайкою батырей, грабить караваны и барантовать скотъ у Киргизовъ, повинующихся приказамъ. Эта шайка настигнута была казачьимъ отрядомъ, находившимся въ стени, и двухъ, трехъ картечныхъ выстрѣловъ достаточно было, чтобъ разсѣять ее совершенно. Сарджанъ затихъ на нѣсколько лѣтъ и въ 1830 году присягнулъ добровольно на подданство Россіи, но на слѣдующій же годъ присягнулъ въ вѣрности хану Коканскому и ушелъ въ Ташкентъ, гдѣ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ кушбекомъ (сокольниковымъ) хана Коканскаго, Ляшкаркомъ, который управлялъ городомъ Ташкентомъ.

Этотъ сокольниковій — лице весьма-замѣчательное въ Коканѣ. Говорятъ, что онъ родомъ Персіанинъ, въ молодости захваченъ былъ въ плѣнъ Туркменцами, нѣсколько разъ былъ перепроданъ, вытерпѣлъ всю пытку азіатской неволи, провелъ большую половину своей жизни въ тяжкихъ ра-

ботахъ, среди жестокихъ истязаній — и вдругъ какъ-то попалъ на глаза Хану Коканскому, понравился ему своею раболѣпною услужливостію, и чрезъ нѣсколько времени Ханъ возвысилъ его на степень перваго сановника своего владѣнія. Ляшкарѣ ввѣрено было управленіе важнѣйшимъ городомъ Кокана — Ташкентомъ, и онъ распоряжался въ немъ съ неограниченною властію. Всѣ отношенія его къ Хану заключались въ томъ, что дважды въ годъ являлся онъ къ нему съ богатыми подарками и изъявлялъ покорность свою разными унизительными церемоніями. Ханъ ничего болѣе и не требовалъ; онъ, какъ новый Сарданапалъ, среди удовольствій охоты, гарема и пьянства, и не заботился о томъ, какъ управлялся его народъ. Впрочемъ, нельзя отнять отъ Кушбека нѣкоторыхъ дарованій. Онъ былъ дѣятеленъ, покровительствовалъ торговлѣ и даже былъ справедливъ по своему. Недовольный чуднымъ своимъ возвышеніемъ, онъ замышлялъ еще гораздо-большее — слава завоевателя въ особенности его соблазняла. Каждое утро выѣзжалъ онъ на ташкентскій базаръ, чинилъ тамъ подъ открытымъ небомъ судъ и расправу, и въ промежуткахъ толковалъ о Россіи съ купцами, ѣздившими на Нижегородскую ярмарку. Хитрые купцы замѣтили тотчасъ его слабую сторону и, наконецъ, лестію своею довели его до того, что онъ и въ-самомъ-дѣлѣ возмечталъ о войнѣ съ Россіею, въ намѣре-

вѣи исторгнуть у нея Киргизскую-Степь. Къ этому-то челоѣку явился Сарджанъ съ отцемъ и братьями и былъ принятъ какъ-пельзядлучше,

На слѣдующій же 1832 годъ, Кушбекъ разослалъ по степи возмутительныя письма, увѣщевая Киргизовъ возстать противъ невѣрныхъ Русскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Кушбекъ и Сарджанъ явились сами въ предѣлы Средней-Орды, въ сопровожденіи огромной толпы вооруженныхъ чѣмъ попало людей. Чтобъ положить конецъ ихъ грабительствамъ, генералъ Вельяминовъ командировалъ въ степь казачій отрядъ, который прогналъ съ одной встрѣчи всю эту ташкентскую сволочь и овладѣлъ двумя укрѣпленіями, построенными кушбекомъ на рѣкѣ Сарысу. Нѣсколько важнѣйшихъ Ташкентцевъ были захвачены въ плѣнъ и отведены въ Омскъ, гдѣ подверглись тюремному заключенію. Они мысленно прощались уже съ свѣтомъ Божіимъ и только старались отгадать, какую казнь придумаютъ для нихъ грозные побѣдители. Генералъ Вельяминовъ приказалъ объявить имъ, 22 августа, именемъ Государя Императора, прошеніе и отпустить ихъ въ отечество. Долго не хотѣли они вѣрить дарованной имъ пощады: такъ несообразна была она съ ихъ понятіями.

Кротость, оказанная въ этомъ случаѣ нашимъ правительствомъ, послужила для Кушбека какъ-

бы поощреніемъ къ новымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Въ 1834 году, онъ, въ сопровожденіи сыновей Касымовыхъ, произвелъ вторичное вторженіе въ предѣлы Средней-Орды и снова началъ въ ней грабить попадавшіяся ему киргизскія волости. Для очищенія степи отъ Ташкентцевъ, двинуть былъ отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Броневскаго. Едва провѣдалъ Кушбекъ о выступленіи этого отряда въ походъ, какъ поспѣшно бѣжалъ назадъ въ Ташкентію, построивъ въ Улутаускихъ Горахъ укрѣпленіе и оставивъ для обороны его около 1000 человекъ Ташкентцевъ и нѣсколько пушекъ. Генералъ Броневскій овладѣлъ безъ большаго затрудненія укрѣпленіемъ, пушками и людьми, оставленными Ташкентцами. Плѣнные тотчасъ же употреблены были на срытіе укрѣпленія и по окончаніи этой работы, великодушно отпущены во свояси.

Эти неудачи заставили Кушбека отказаться отъ увлекательной мечты отнять у Россіи Киргизскую-Степь, но не совсѣмъ охладилъ его воинственный жаръ. Въ 1836 году, онъ предпринялъ походъ въ Большую-Орду, надѣясь, что тамъ, по-крайней-мѣрѣ, не встрѣтитъ Русскихъ и будетъ счастливѣе прежняго. Русскихъ онъ дѣйствительно не встрѣтилъ, но и этотъ походъ не ознаменованъ былъ никакимъ успѣхомъ. Кушбекъ приписалъ неудачу свою вѣроломству Сарджана, всюду его сопровождавшаго.

Только что подозрѣніе закралось въ душу ташкентскаго правителя, какъ уже участь Сарджана была рѣшена; но Кушбекъ опасался обнаружить свой гнѣвъ до возвращенія домой, потому что Сарджанъ имѣлъ много приверженцевъ въ отрядѣ, преимущественно составленномъ изъ Киргизовъ. Кушбекъ не переставалъ ласкать Сарджана, неразлучно проводилъ съ нимъ время, принималъ его совѣты и осенью возвратились они въ Ташкентъ друзьями по прежнему. Черезъ нѣсколько времени, Кушбекъ пригласилъ къ себѣ Сарджана на ужинъ; тогда за столомъ внезапно прервавъ дружескій разговоръ, началъ упреки въ измѣнѣ и объявилъ ему, что наступилъ послѣдній часъ его. По данному знаку, вышли убійцы и Сарджанъ былъ изрубленъ въ куски. вмѣстѣ съ братомъ своимъ Инсенгельдою и старшимъ сыномъ Ирджаномъ. Другой братъ Сарджана, Кенисара, посаженъ былъ въ темницу. Старика Касыма-Аблай-Ханова не случилось въ это время въ Ташкентѣ: онъ кочевалъ съ аулами и прочими сыновьями своими по рѣкѣ Улу-Тургаю. Въ скоромъ времени послѣ того, Ханъ Коканскій, опасавшійся, что самовольныя вторженія въ степь любимца его навлекутъ на всю Кокану негодованіе Россіи, лишилъ Ляшкаря званія правителя и назначилъ на мѣсто его Дотху-Муллу-Юлдаша.

Казнь Сарджана, удовлетворивъ личному мщенію кушбека Ляшкаря, повлекла за собою весьма невы-

годныя послѣдствія для цѣлой Ташкентіи. Въ предѣлахъ ея кочуетъ много киргизскихъ волостей, которыя платятъ правителю богатый *зякатъ*, составляющій одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ его доходовъ. Всѣ Ташкентскіе Киргизы были весьма привязаны къ семейству Касымову, какъ къ потомкамъ знаменитаго Аблай-Хана, и слухъ о смерти Сарджана сильно взволновалъ ихъ. Чтобъ успокоить и удержать ихъ въ предѣлахъ Ташкеніи, новый правитель рѣшился примириться съ Касымомъ. Для этого освободилъ онъ Кенисару-Касымова изъ заключенія, богато одарилъ его и отправилъ къ отцу съ дружескими предложеніями и обѣщаніемъ вполне вознаградить за смерть сыновей и внука. Одинъ изъ знатнѣйшихъ Ташкентцевъ сопровождалъ Кенисару и долженъ былъ привезти отвѣтъ отъ Касыма-Аблай-Ханова.

Сарджанъ былъ любимымъ сыномъ Касыма. Горестъ старика, при вѣсти о гибели сына, доходила до отчаянія; окружающіе не надѣялись даже, что онъ въ состояніи будетъ пережить свое несчастіе. Не смотря на то, Касымъ, по видимому, утѣшенъ былъ пріѣздомъ Кенисары, съ которымъ онъ также не думалъ болѣе когда нибудь свидѣться. Присланному Ташкентцу объявилъ онъ, что считаетъ кушбека Ляшкара единственнымъ виновникомъ смерти сыновей и внука своего, что онъ слишкомъ старъ, чтобъ думать о мщеніи, но что самъ Худай покаралъ уже куш-

бека за невинно пролитую имъ кровь, лишивъ его милости Хана. Къ этому присовокупилъ онъ, что готовъ возвратиться въ Ташкентъ и заключить союзъ дружбы съ новымъ правителемъ, но, для поддержанія достоинства своего, желаетъ, чтобъ на встрѣчу выѣхали къ нему на рѣку Чу знатнѣйшіе жители города.

Въ одно и то же время, Ташкенецъ поскакалъ къ Муллѣ-Юдашу съ радостною вѣстью о примиреніи, а Касымовы аулы покочевали по направленію къ Ташкеніи, на рѣку Чу. Юдашъ не долго колебался въ исполненіи желанія старика: оно такъ согласно было съ азіатскими понятіями объ этикетѣ и важности торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ. Рѣка Чу находится верстахъ въ 200 отъ Ташкента, но чѣмъ знатнѣе гость, тѣмъ далѣе его встрѣчаютъ и провожаютъ. Человѣкъ сорокъ Ташкентцевъ отправились на Чу, гдѣ нашли уже Касыма. Старикъ принялъ ихъ какъ нельзя лучше; горько заплакалъ, вспомнивъ о смерти сыновей своихъ и внука, но вторично объявилъ, что съ удаленіемъ Ляшкаря изъ Ташкента нѣтъ у него болѣе враговъ въ этомъ городѣ. Роскошное угощеніе послѣдовало за этими привѣтствіями, пиръ продолжался до глубокой ночи; наконецъ, Ташкентцы, утомленные дальнею дорогою и шумнымъ пиршествомъ, легли отдохнуть и скоро заснули крѣпкимъ сномъ. Мертвая тишина водворилась между юртами; одинъ только Касымъ бодр-

ествовалъ. Въ полночь шепнулъ онъ что-то на ухо своему теленгуту (*); чрезъ нѣсколько минутъ изъ близъ лежащихъ камышей вышла толпа вооруженныхъ людей и вслѣдъ за тѣмъ раздался по степи отчаянный вопль Ташкентцевъ. Киргизскіе топоры прервали сладкій сонъ гостей, которые, спустя мгновеніе, опять заснули, но уже сномъ непробуднымъ. Одинъ только оставленъ былъ въ живыхъ. Касымъ приказалъ отрѣзать ему, въ присутствіи своемъ, уши и носъ, и потомъ отправилъ назадъ въ Ташкентъ, поручивъ кланяться правителю и сказать ему, что за смерть сыновей и внука не только самъ онъ никогда не перестанетъ мстить Ташкентцамъ, но мщеніе это завѣщаетъ и всему своему потомству. Послѣ этого поспѣшно удалился онъ съ аулами своими на сѣверъ, въ даль предѣловъ отъ Ташкеніи.

Такъ разорваны были всѣ связи, соединявшія Касымово семейство съ правителемъ Ташкента. Въ слѣдующемъ 1837 году, Кенисара-Касымовъ собралъ въ Малой-Ордѣ многочисленную шайку, съ которою произвелъ вторженіе въ предѣлы степи, подчиненной сибирскому вѣдомству. Пользуясь родственными связями своими съ большею частію киргизскихъ султановъ, онъ успѣлъ сначала увлечь на свою сторону много волостей, но

(*) Вооруженный прислужникъ, то же, что на Кавказѣ пукеръ.

нѣсколько тяжкихъ поражений, нанесенныхъ скопищу его высланными противъ него отрядами, образумили мятежниковъ. Кенисара съ братьями продолжалъ однако разбойничать въ отдаленныхъ частяхъ степи.

